

А. Ф. ГРЯЗНОВ

**Язык и деятельность:
Критический анализ витгенштейнианства**

<Фрагмент>

Лишь в относительно редкие периоды своего развития философия оставалась нечувствительной к самим средствам философствования. Как правило, это были периоды, отмеченные своеобразным высокомерием философской мысли, не желавшей (или опасавшейся?) продемонстрировать, каким путем ею были получены те или иные «впечатляющие» результаты. При этом в качестве субъекта и объекта философствования признавалось чистое мышление, для которого будто бы и не требовалось никакого внешнего посредника. Впрочем, такие периоды «воспарения» философии были не столь уж продолжительными, и она в конце концов возвращалась на грешную землю. Даже во времена наивысшего расцвета спекулятивного мышления отдельные философы считали необходимым обратить свой взор на те средства, с помощью которых достигался очередной «триумф» философской мысли над повседневными представлениями и опытом. Но все же очень долго эти средства оставались как бы анонимными или были представлены лишь своими частными проявлениями. Всемогущие воплощения и «органы» мысли (разум, рассудок, рефлексия, интроспекция и даже интуиция) на деле зачастую оказывались лишь модификацией подручных средств самой будничной философской работы, последовательно, хотя и с частыми отступлениями, приближавшей к пониманию загадок микро- и макрокосма. Однако в целом философская классика в лице ее лучших представителей до поры до времени довольно успешно оберегала неприкосновенность своего «жилища».

В связи со сказанным должны быть отмечены два главных прорыва сквозь сферу философской видимости в современную эпоху. Первый — Марксова постановка вопроса о философии как практически-критической деятельности, участвующей в изме-

нении и целенаправленном преобразовании мира в соответствии с принципами разумного общественного устройства и способствующей преодолению ситуации отчуждения и заблуждений «ложного сознания». Вслед за этим теоретическим выступлением понятие деятельности в его материалистической интерпретации постепенно начинает признаваться законным, полноправным предметом философствования, включается в социокультурный контекст. Дальнейшее развитие мировой философии продемонстрировало огромное многообразие видов и форм конструктивной (и деструктивной) деятельности человека, доселе скрывавшихся под личиной отвлеченных философских категорий и абстракций.

Во втором случае речь идет об откровенном признании, сделанном рядом философов в начале нашего столетия, что главным средством философствования является *язык*. К настоящему времени для многих школ современной философии язык является и основным объектом исследования. Такое в общем единодушное признание, однако, не означает одинакового понимания сущности языка и закономерностей его функционирования. Здесь оказались возможными самые различные, подчас диаметрально противоположные варианты. При этом немаловажно, что принципиальный вопрос о соотношении языка и деятельности в зависимости от характера конкретного философского учения то выдвигается на первый план, то отходит на периферию.

Разумеется, и деятельность как таковая, и язык в большей или меньшей степени входили в объяснительное поле философских учений прошлого. Но это обстоятельство обычно не осознавалось, не становилось объектом пристального внимания, способным даже заслонить все остальное. Симптоматично, что такое практическое проявление языка, как *речь*, длительное время оставалось не в почете. Сейчас мы знаем, что именно исследуя речевую стихию, современная наука о языке сумела отразить теснейшую взаимосвязь форм языкового выражения и форм человеческой деятельности.

Иное дело письменное воплощение языка. Античный логос как «разумное слово», постепенно и с большим трудом освобождаясь от мифологической архаики, все больше выражался в записанном виде. Отнюдь не случайна в этой связи знаменитая аристотелевская аналогия между демокритовскими атомами и начертаниями и положениями букв греческого алфавита. Материальные структуры бытия как бы воплощались в материальных структурах письменного языка или математических формулах пифагорейцев. И эти структуры довольно рано стали привлекать философов, которые вначале изобрели логику как в определенном смысле

металингвистическую дисциплину, а затем филологическую грамматику (поздняя античность). С этого начинается период внешнего отчуждения языковой проблематики от проблематики собственно философской. Наука о языке становится специальной, а для спекулятивной философии — либо недоступной, либо чересчур конкретной и чувственно представимой. Но в целом история лингвистики, насчитывающая многие сотни лет, характеризуется то сближением, то отдалением ее от философии.

Само по себе подробное описание их реального (или потенциального) взаимоотношения может составить увлекательный предмет исследования. При этом, думается, уместно будет обратить внимание на одну любопытную деталь. Дело в том, что, как об этом свидетельствуют соответствующие фактические данные, даже в период наибольшего отчуждения друг от друга обе гуманитарные науки часто шли, так сказать, параллельным курсом. Во второй половине XX в., когда они начали заимствовать друг у друга конкретные проблемы и способы их решения, это стало достаточно очевидным. Надо сказать, что современная лингвистика уже не видит ничего необычного в том, чтобы получать некоторые свои проблемы из «абстрактной» философии¹. Ну а противоположный процесс осмысления новейшей философией ряда специфически языковедческих проблем хорошо известен.

Такое сближение объясняется, конечно, не только сходством отдельных изучаемых данными науками проблем, но и присутствием в них общего методологического инварианта, что сделало возможным их конструктивное взаимодействие в современную эпоху. Этим инвариантом, на наш взгляд, является *философия языка*, которая прежде хотя и *не* выделялась в особую сферу исследования или дисциплину, но имплицитно существовала в виде определенного теоретического содержания, характеризующего различные лингвофилософские аспекты языковой деятельности и обладающего своей объективной логикой развития. Это, так сказать, область пересечения кругов, обозначающих соответственно философию, логику и лингвистику как «место встречи» этих дисциплин. Философия языка имеет длительную историю своего имплицитного развития. Ее развитие становится эксплицитным лишь с осознанием и откровенным признанием языка в качестве главного средства философствования. Идеи ряда крупных современных философов, в том числе и тех, кто, как считается, в своей деятельности не имел прямого отношения

¹ Можно, в частности, упомянуть теорию «речевых актов», первоначально разработанную философами-аналитиками, а затем освоенную лингвистами.

к лингвофилософской проблематике (некоторых феноменологов или экзистенциалистов, к примеру), в основе, однако, предполагают принятие определенной позиции в философии языка.

В самом деле, философия языка, как она выкристаллизовывается в XX в., являет собой синтетическую дисциплину, имеющую в то же время свою специфику. В «чистом» виде ведущие концепции в этой области теперь представляют различные (в том числе и альтернативные) *научные программы*. Правда, квалификация той или иной философии языка как целостной научной программы может быть лишь результатом кропотливой работы по реконструкции теоретического содержания учений. В этом смысле особенно интересны, на наш взгляд, попытки реконструкции одного влиятельного учения, в котором со всей определенностью и бескомпромиссностью поставлена фундаментальная философская проблема взаимоотношения языка и деятельности, указан оригинальный путь ее решения.

Такие реконструкции представляют собой очень непростую задачу, ибо речь идет об учении австрийского философа Людвига Витгенштейна² (1889–1951), одного из самых «несистематических» философов XX в., который, как полагают многие его комментаторы, прежде всего ставил цель развенчания путем анализа языка традиционных способов философствований, а не построения и обоснования собственной позитивной концепции. Не вдаваясь сейчас в обсуждение данной категоричной оценки, отметим, что это лишь одно из многих обстоятельств, существенно усложняющих адекватное понимание витгенштейновской *программы* в области философии языка, лежащей в основе его оригинального философского мировоззрения.

Положение этого философа в современной западной философии и культуре уникально. Идеи Витгенштейна, вначале известные лишь относительно узкому кругу специалистов (многие из которых, между прочим, не одобряли его взглядов), в дальнейшем послужили стимулом для новых разработок в области философии языка, получивших в 1930–1960-е гг. преимущественное распространение в англосаксонском философском мире. В 1970-е гг. позиция Витгенштейна все больше начинает рассматриваться сама по себе, вне сложившихся направлений и школ, — как оригинальная и целостная философская концепция языковой деятельности, отнюдь не ответственная за ее последующие ин-

² Исследованию собственно философии Витгенштейна посвящена наша предыдущая книга «Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна». Настоящая работа тематически продолжает это исследование.

терпретации (и зачастую искажения). После опубликования в 1970–1980-е гг. новых материалов из обширного рукописного наследия философа стали более явными общекультурные и мировоззренческие импликации его учения. В данной связи само активное освоение наследия Витгенштейна тоже представляет собой примечательное явление западной философской культуры нашего времени. Связав язык с деятельностью, Витгенштейн создал предпосылки для более всестороннего понимания функциональной роли языка в человеческом обществе, в системе социокультурных связей и отношений. Важно в таком плане заострить внимание на том факте, что для западной философии последних лет практически потеряло значение какое-либо противопоставление теоретических реконструкций смысла витгенштейновских текстов (так называемое *витгенштейноведение*) и позитивной разработки актуальных философско-лингвистических проблем, базирующейся на идеях австрийского философа (так называемое *витгенштейнианство*).

Среди главных тем, из которых складывается философская позиция Витгенштейна, последовательно развивавшего учение о языке как *деятельности* и оказавшего заметное влияние на ситуацию в современной западной философии, можно выделить следующие.

1. Терапия слова

Речь идет об определенной трактовке целей и задач философствования, которую можно реконструировать на основе как поздних, так и отчасти ранних витгенштейновских текстов. Уже в начале XX в. философы позитивистской ориентации признавали, что многие знаменитые философские учения прошлого возникли в результате сознательного (или бессознательного) использования неточностей и двусмысленностей форм языкового выражения. Такая «анти-метафизическая» установка, как известно, оказалась составной частью радикальной программы соотечественников Витгенштейна — венских логических позитивистов (1920–1940-е гг.). Правда, в случае с самим Витгенштейном, которого, на наш взгляд, неверно рассматривать лишь в контексте позитивистского движения, ситуация была несколько иной. Он считал, что источник заблуждений следует искать не в «злой воле» или в подавленных комплексах метафизиков, а в самом инструменте философского рассуждения, т. е. в естественном языке, поэтому именно в языке, в «логике» языка, необходимо обнаружить условия, создающие возможность философского

злоупотребления. А это едва ли удастся сделать, если язык будет рассматриваться статично, в отвлечении от его деятельностной стороны. Исследоваться (точнее: описываться) должен именно функционирующий, «живой» язык, который в силу каких-то непонятных на первый взгляд причин иногда превращается, так сказать, в «неработающий двигатель». Вот тогда-то и возникают сугубо философские заблуждения (их Витгенштейн часто называет «головоломками», сбивающими нас с толка).

2. Диспозициональность психики

Взаимозависимость между психикой человека и его лингвистическими возможностями для многих сегодня является очевидным фактом. Даже Витгенштейн, занимавший по ряду вопросов антименталистскую позицию, в поздний период не смог исключить собственно психологические (в том числе интроспекционистские) соображения из своего описания способов функционирования естественного языка. Правда, некоторые распространенные в те годы методы философского исследования психики в контексте его оригинального подхода были им сознательно отброшены. Язык-деятельность оказывался образцом для понимания психики как тоже особого рода деятельности, обладающей своей внутренней логикой. В силу принятия такой своеобразной установки уже ничто — в том числе «дух» или кора головного мозга — не могло претендовать на то, чтобы считаться субстанцией (или субъектом) психического. В свете последовательного деятельностного подхода любая попытка онтологизации (реификации) психики неизбежно воспринималась как метафизическое заблуждение. Вопрос о сущности (хотя, конечно, эссенциалистские вопросы как таковые Витгенштейн отвергал) психического переносился в плоскость того, как мы *говорим* о «внутреннем мире» и наблюдаемом внешнем поведении человека, каким образом координируем обе эти сферы деятельности. То, что он в принципе признавал вполне правомерным разговор о *внутреннем*, свидетельствует, что позиция Витгенштейна в данном вопросе отнюдь не вписывается в рамки одностороннего подхода поведенческой психологии, как это зачастую представляют. Поэтому психика понималась им не как «черный ящик», непостижимым образом перерабатывающий всевозможную стимульную информацию, а как *способность* к определенным видам действия, актуализируемую в ситуациях, вплетенных в соответствующий контекст лингвистической и нелингвистической практики. Подобную способность последователи Витгенштейна обозначили термином «диспозициональность».

3. Логика психологических понятий

Диспозиционный подход к психике и в целом антименталистская ориентация Витгенштейна не исключают того, что в его работах можно найти детальное описание способов употребления психологических понятий, обозначающих внутренние состояния человека. В этой связи принципиально важной оказалась оценка им самого понятия «внутренний процесс». Было признано, что, как и многие другие понятия, оно имеет законное — осмысленное — употребление лишь в определенных «игровых» контекстах. Поэтому Витгенштейн не без основания считал в равной степени ошибочным как отбрасывать данное понятие, так и отождествлять всю сферу психического с внутренними состояниями. Одной из задач, поставленных австрийским философом, оказалось именно максимально полное описание тончайших нюансов употребления в языке психологических понятий. По его замыслу, такое описание должно вскрыть специфическую логику этого вида понятий, чего не способна достичь ни одна конкретная психологическая теория. Примененный Витгенштейном к психологической сфере оригинальный вариант метода мысленного эксперимента был использован при рассмотрении таких, например, вопросов, как вопросы о возможности «индивидуального (личного) языка» и познания других сознаний, о тождестве личности и свойственных ей психических функций, о характере интенциональных состояний психики, о так называемых пропозициональных установках. В этом плане Витгенштейн главное место отводит описанию концептуальных взаимосвязей, присущих лингвистическому выражению процессов психической деятельности.

4. Конструктивность

Теории значения, которые оказалось возможным построить на принципах поздней витгенштейновской философии языка, имеют достаточно динамичный и гибкий характер. Их основы были разработаны в процессе критического осмысления различных вариантов номинативной теории значения. Эта критика указывала выход за пределы старых представлений о значении как некотором именуемом, т. е. обозначаемом знаками, отдельном объекте. Если принять тезис о том, что язык представляет собой деятельность, тогда следует признать, что значение его единиц — слов и выражений — тоже должно иметь процессуальный характер. При этом особую важность приобретает коммуникативный

аспект языка, его богатые прагматические возможности, которые трудно объяснить с позиции «традиционного» статичного подхода к значению. Сведение значения к способу употребления слов и выражений потребовало по-иному взглянуть и на некоторые понятия, характеризующие выражение в естественном языке познавательного процесса. Одним из таких понятий оказывается «классическое» понятие истины или его логико-семантический эквивалент — понятие «истинностных условий». В случае отказа от признания «верховенства» этой последней характеристики остро встает проблема сочетания в теории значения собственно семантических и прагматических подходов к языку.

В тесной связи с рядом положений учения позднего Витгенштейна о языковом значении с начала 1970-х гг. в аналитической философии получила широкое распространение тенденция трактовать язык как конструктивную деятельность, при анализе которой понятие «истинностных условий» предложения заменяется понятием «условий утверждаемости» предложения. Сторонники такого подхода опираются, в частности, на витгенштейновскую философию математики, которая делает акцент на конструктивных возможностях творческой деятельности математика, создающего свои объекты в процессе доказательства. Для самого австрийского философа принятие подобной позиции означало разрыв с различными логицистскими представлениями о природе математики, которые опирались на традиционную трактовку значения. Поскольку Витгенштейн рассматривал свои работы по философии математики как закономерное продолжение исследований по философии языка, то некоторые его современные последователи переносят принцип конструктивности на формирование осмысленных предложений естественного языка. Это придает аналитической философии языка принципиально новую ориентацию.

5. Концептуальность

Несмотря на известные призывы Витгенштейна к детальному описанию конкретных случаев употребления слов и выражений, его позднюю философию языка едва ли уместно будет характеризовать как плоский эмпиризм или чистый дескриптивизм. Ведь австрийского философа интересовала именно концептуальная сторона языковой практики. В этом плане он не случайно говорил о «логике языка», подразумевая под этим уже отнюдь не априорную логическую систему своего раннего учения. Речь идет о внутренних смысловых отношениях, составляющих основу

«глубинной грамматики», т. е. определенным образом координированных способов употребления слов и выражений естественного языка. Такая ориентация, очевидно, не свидетельствует о каком-то возвращении Витгенштейна на позиции отвергнутого им ранее эссенциализма, с характерным для последнего поиском неизменных сущностей, скрытых за конкретным употреблением слов в процессах коммуникации. Описанию подлежат само многообразие контекстуально допустимых способов употребления, как бы составляющих подвижную «концептуальную схему» языка и познания. В основе ее лежат определенные лингвистические конвенции, для описания механизма действия которых отнюдь не всегда подходят традиционные логические средства (дедуктивная и индуктивная логика). Одним из следствий той решающей роли, которая отводится в этом учении внутренним концептуальным связям, оказывается тезис об автономии «глубинной грамматики», ее способности самой определять то, что в конкретном контексте употребления слов следует считать «реальностью». Акцент на глубинной концептуальности естественного языка оказывается оборотной стороной отстаиваемого тезиса об изначальном и независимом характере лингвистических связей, получающих приоритетное значение в структуре практической деятельности. С этим обстоятельством связаны призывы витгенштейнианцев к пересмотру не только традиционных философско-семантических учений, но и программ современной лингвистики.

6. Правилосообразность

Главной отличительной чертой языковой деятельности Витгенштейн считал ее ориентацию на те или иные *правила*. При этом подчеркивалось, что правила не представляют собой каких-то явных предписаний или норм, которые можно (и нужно) предварительно изучать. Особенность правил заключается в том, что их «знание» имеет имплицитный характер, а практическое овладение ими осуществляется в процессе самой деятельности, в контексте некоторой языковой игры. Способность людей следовать правилам многие витгенштейнианцы оценивают как фундаментальное свойство, в принципе создающее возможность для межличностной коммуникации. Однако данное свойство таит в себе опасность того, что вообще любые — лингвистические и нелингвистические — действия могут оказаться согласующимися или несогласующимися с правилами. В таком случае может появиться серьезный повод для сомнений в отношении

нашей способности сохранять на практике постоянным значение употребляемых слов. Ведь в противном случае многие виды индивидуальной и совместной деятельности людей фактически окажутся парализованными, человеческое общение примет иррациональный вид.

Хотя Витгенштейн и сам в достаточно острой форме ставит эту проблему, он лишь намечает пути ее решения. В дальнейшем его последователи продемонстрировали несостоятельность попыток разрешить данную проблему чисто логическими средствами. Оказалось, что необходим более широкий и всесторонний подход к языковой деятельности — включение ее в контекст многообразных взаимоотношений и связей, складывающихся в том или ином сообществе.

7. Формы жизни

Систему лингвистических и нелингвистических действий, составляющих определенное единство и потому обладающих своими внутренними правилами, Витгенштейн иногда характеризовал как «форму жизни». При этом его учение в принципе допускает двойное ее истолкование: натуралистическое и социоцентристское. Но наиболее примечательно то, что жизненные формы рассматриваются как основание любой культуры, имеющей в сущности ритуальный характер, который складывается из действий, подчиняющихся определенным конвенционально принятым в сообществе правилам. Это выдвигает в центр обсуждения проблему взаимодействия таких форм и возможности внешней критической оценки степени их общечеловеческой рациональности. Вместе с тем сближение данного понятия с понятием языковой игры дает повод для перенесения концепции жизненных форм на самые различные виды человеческой деятельности, не ограничиваясь при этом только крупными сообществами или сложившимися культурами.

Проблема понимания «форм жизни» тесно связана с витгенштейновской концепцией необосновываемого, выражаемого в виде «достоверных суждений» знания, составляющего ядро любой «игры». Но эта же позиция вызывает острые вопросы в связи с проблемой познания «иных культур». Развернувшаяся в аналитической философии по данному поводу дискуссия выявила различные взгляды на возможность и степень адекватности познания значительно различающихся жизненных форм. Но в любом случае спорящие стороны исходят из предпосылки, что необходимым условием для признания практики того или иного сообщества *рациональной* является само наличие языка, обладающего значением.

8. Понимание

Понимание оценивалось поздним Витгенштейном как один из самых важных аспектов языковой деятельности. Но при этом, специально подчеркивалось, что оно отлично от простой интерпретации лингвистических знаков. Способность понимания выявляется в процессе употребления слов и выражений, подчиняющихся правилам определенной языковой игры. Эта установка дает основание для выдвижения гипотезы о том, что имеется целая «семья» значений термина «понимание», обусловленных многообразием употребления слов естественного языка. Таким образом, понимание у Витгенштейна и в концепциях его последователей предстает как сам процесс и результат правилособразной лингвистической деятельности, а отнюдь не в качестве особой духовной процедуры, постигаемой с помощью интроспекции, или же когнитивного состояния, поддающегося точному моделированию. Примечательно, что в последние годы именно витгенштейнианство выполняет функцию своеобразного моста между англоязычной и германоязычной традициями западной философии XX в., включая философскую герменевтику, как, в сущности, теорию понимания.

9. Практика

Концепция языка-деятельности накладывает отпечаток на истолкование понятия практики как таковой. Свои лингвофилософские принципы витгенштейнианцы, как правило, распространяют на сознание и мышление, которые признаются проявлениями человеческой деятельности, имеющей социальное измерение. В такой связи подвергается критике определенная эпистемологическая традиция западноевропейской философии с ее явной или скрытой дуалистической тенденцией. Отталкиваясь от этой критики, ряд западных философов в последнее время заявляют о принципиальном сходстве витгенштейнианского подхода и марксистской диалектики. Акцент делается на том обстоятельстве, что в языке описание состояний психики концептуально связано с конкретными видами практики, и свое значение эти состояния приобретают лишь в контексте межличностных взаимодействий в рамках соответствующих «форм жизни». В то же время витгенштейнианцы рассматривают практику, подчиняющуюся, по их мнению, правилам лингвистической деятельности, в качестве универсальной категории, в которой растворяются такие понятия «традиционной» философии, как

«материальное» и «идеальное», «объективное» и «субъективное», «ценностное» и «фактическое» и т. п. Все это, безусловно, делает актуальным сопоставление Марксовой концепции материально-производственной и духовной практики и «лингвистической праксеологии» витгенштейнианцев, подчеркивает необходимость выявления их подлинного соотношения.

* * *

Надо сказать, что многие из упомянутых здесь витгенштейновских понятий обладают той способностью, что в случае их принятия и последовательного использования могут довольно существенно измениться распространенные способы философствования, а также станет очевидным отличие (а порой и несовместимость) этих понятий от применявшегося ранее концептуального аппарата. В этом смысле рассматриваемое учение — витгенштейнианство, — независимо от исходных интенций его автора оказывается одновременно созидательным и разрушительным. Некоторые исследователи, явно, однако, преувеличивая, даже считают, что Витгенштейн нанес «смертельный удар» всей предшествующей философии. Перечисленные главные темы, составляющие ядро *поздней* философии Витгенштейна, в дальнейшем получили развитие в целом ряде концепций зарубежных философов, были впитаны западной гуманитарной культурой как таковой. В наибольшей степени тематизация приведенных выше проблем оказалась характерной для так называемой *аналитической философии*. Поэтому современное состояние данного влиятельного и широко распространенного философского направления не может быть адекватно оценено без изучения его витгенштейнианской составляющей.

Новые процессы и явления, присущие западной философской мысли последних лет, требуют уточнения и зачастую радикального изменения многих ставших стереотипом исследовательских подходов. А методологические аспекты изучения современной философии нуждаются в переосмыслении далеко не в последнюю очередь. Одно из главных условий решения данной задачи — это необходимость осуществления *конкретного* рассмотрения учений. На практике, однако, такое очевидное условие совсем не всегда реализуется. Понятно, что подлинная конкретность неотделима от обобщающих теоретических реконструкций идейного, мировоззренческого содержания новейших школ, направлений и тенденций. В современном взаимозависимом мире было бы наивно как самоустраняться от того, что происходит в зарубежной философии, так и ограничиваться глобальными

оценками, основанными исключительно на «внешнем» критическом подходе к изучаемому объекту. Важно охватить саму динамику происходящих за рубежом философских процессов. Даже небольшое запаздывание неминуемо создает трудности в их понимании и критическом осмыслении. Новая терминологическая оболочка, обычно вызревающая в ходе интенсивных философских дискуссий, оказывается в данной связи отнюдь не второстепенным фактором. Недооценка этого обстоятельства часто приводит к возникновению лакун в нашем изучении философской мысли Запада. В целом исследование современной философии не только должно быть оперативным, но и носить в полном смысле слова систематический характер, охватывая разнообразные явления. Речь идет, разумеется, не о подчиняющихся сиюминутной конъюнктуре исследованиях, а о реконструкции объективной логики развития изучаемого явления.

Новейшая западная философия характеризуется многообразием направлений и школ. Но особое место среди них занимает именно аналитическая философия, являющаяся, наряду с феноменологией и герменевтикой, наиболее распространенным и влиятельным на сегодняшний день направлением. Об этом свидетельствует целый ряд факторов, среди которых в первую очередь должны быть отмечены претензии данного направления на роль некоей универсальной методологии естественнонаучного и гуманитарного знания, своеобразной объяснительной парадигмы различных явлений культуры и социальной жизни. И претензии эти, надо сказать, имеют под собой определенное основание, ибо аналитическая философия в качестве главного объекта своего исследования берет *язык* во всем многообразии его проявлений. Такой «поворот к языку» можно пояснить не только критическим осознанием аналитиками того обстоятельства, что классическая философия изучала познавательный процесс, зачастую игнорируя его необходимые лингвистические средства. Динамичный XX век со всей остротой поставил жизненно важные вопросы межчеловеческой коммуникации, и в силу этого языковая проблематика философии не случайно выходит на первый план. Западное теоретическое сознание дает специфическое отражение таких вопросов. Данное обстоятельство наиболее отчетливо проявляется как раз в аналитической философии, критическому рассмотрению ведущего направления в которой и посвящена настоящая работа.

Если иметь в виду только географию распространения аналитической философии, то можно без преувеличения сказать, что она преобладает в англосаксонском мире, причем в таких стра-

нах, как Великобритания, Австралия и Новая Зеландия, имеет место *абсолютное* ее преобладание во всех сферах философской жизни. Значительное распространение аналитическая философия получила в США, а также в Канаде, скандинавских странах, Финляндии. В последнее время наблюдается проникновение этой философии в ФРГ и Австрию, где она начинает взаимодействовать с популярной там герменевтической философией.

В Великобритании, к примеру, знакомство с аналитической философией считается полезным не только для философов-специалистов, но и для тех людей, которые собираются посвятить свою жизнь административной или политической карьере, бизнесу, юридической практике, богословию. Способы аргументации, свойственные этой философии, можно обнаружить в приемах, используемых средствами массовой информации данной страны.

Как свидетельствуют ход и результаты некоторых международных дискуссий последнего времени, мы далеко не всегда оказываемся готовыми адекватно реагировать на хитроумные «ловушки», которые зачастую ставят нам западные коллеги. Речь в данном случае идет, естественно, не о «злом умысле» или коварстве оппонентов, а об их весьма высокой логической культуре, умении аргументированно обосновывать свою и критиковать чужую позицию, использовании разнообразных семантических возможностей языка. Такое умение формируется в определенном интеллектуальном климате, в создании которого далеко не последнюю роль играет аналитическая философия.

За последние 15–20 лет в аналитической философии произошли существенные изменения, которые уже нельзя не замечать. Оставаясь ведущим философским направлением в академической среде, она в то же время повернулась лицом ко многим животрепещущим проблемам современности. Итоги прошедшего в 1988 г. в Великобритании XVIII Всемирного философского конгресса показывают, что философы-аналитики активно осваивают новые для себя проблемные области: политику, культуру, экологию, вопросы феминистского движения и «прав животных», медицины, литературоведения, компьютеризации и т. д. Но при этом они сохраняют специфику своего подхода, уделяя основное внимание *концептуальной* стороне поднимаемых проблем, способам и приемам аргументации. Активизация прикладных исследований, обращение к социокультурной проблематике со всей определенностью поставили перед аналитиками вопрос о *практической* стороне языка. В этом русле находятся попытки многих из них опираться на витгенштейнианскую лингвофилософскую традицию. В данной связи были выдвинуты интересные концепции,

предложены оригинальные решения, которые либо совсем не освещались, либо освещались очень кратко в нашей литературе. Автор настоящей книги исходил из убеждения, что отдельные введенные Витгенштейном философские темы могли бы быть «узаконены» и получить дальнейшее развитие в отечественной философской науке.

В книге ставится задача не только показать прямое или косвенное влияние идей Витгенштейна на современную философию, но и подробно обосновать закономерность такого влияния в контексте духовной ситуации эпохи. Сам австрийский философ проделал эволюцию от своеобразного варианта философско-мировоззренческого индивидуализма к не менее своеобразному социально окрашенному лингвофилософскому учению. Аналогичные процессы мы стремились выделить и в витгенштейнианских течениях, учитывая, так сказать, параллелизм онтогенеза и филогенеза рассматриваемого явления.

